

Maksim Duszkin

Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk

РАЗРАБОТКА ВОПРОСА СИНТАКСИСА МАЛЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ ГРАММАТИКАХ XVIII-XIX ВЕКОВ

Studies on the Syntax of “Small” Numerals in Russian Grammars of the 18th-19th Centuries

ABSTRACT: This article analyses the history of researches on some aspects of the syntax of “small” numerals *dva*, *tri*, *chetyre* (two, three, four) undertaken in the 18th and 19th century Russian grammars. The main subject of the analysis is the views of the authors of these grammars regarding the syntactic structure of the combination of the above-named numerals with a noun. Particular attention is paid to the reasoning of the authors of the aforementioned grammars with reference to such combinations in which the numeral appears in the nominative/accusative case. The nature of the relationship between the numeral in the nominative/accusative and the noun was described by linguists in different ways. Furthermore, also the form of a noun in such a combination was interpreted in various ways. A widespread synchronous interpretation that the form of a noun which co-occurs with the numerals *dva*, *tri*, *chetyre* in the nominative or homonymous accusative is the singular genitive (*dva stola* – two tables), currently seen in both didactic and scientific modern linguistic studies, has been present in the literature since the 18th century. Nevertheless, in many works of the discussed period one can find completely different views on the problem (e.g. in the I. Ornatovsky’s or A. Vostokov’s grammars).

KEYWORDS: “small” numeral, syntax of the Russian numeral, the history of grammatical studies, 18th and 19th century grammars of Russian language

В статье будет представлен анализ истории разработки вопроса синтаксиса трех лексем: *два*, *три*, *четыре*. В лингвистической литературе их часто называют «малыми» числительными. Термин «малые числительные» обычно относят и к некоторым другим лексемам: *полтора*, *оба*, а иногда также *пол*. Их синтаксические свойства в современном русском во многом сходны со свойствами *два*, *три*, *четыре*. Возможно, эти лексемы также стоило бы рассмотреть в статье, сравнив и проанализировав то, как авторы старых русских

грамматик представляют их свойства в языке соответствующего периода. Однако, по моему мнению, это заметно усложнило бы анализ, и его трудно было бы уместить в ограниченных рамках данной публикации.

Следует подчеркнуть, что в этой статье я не буду касаться вопроса описания в русских грамматиках так называемых составных числительных и их свойств (ни типа *две тысячи*, ни типа *сорок два*). Кроме того, представленное здесь описание ограничится лишь вопросом синтаксиса словосочетаний «числительное+существительное»¹.

I. Синтаксис сочетаний «малое числительное+существительное» и проблема именительного/винительного падежа

Синтаксические свойства сочетаний количественных числительных типа *пять* и выше с существительными относительно просты и достаточно подробно описаны в лингвистической литературе. Существительное, сочетаясь с числительными данного типа в именительном и сходном с ним винительном, подчиняется числительному и выступает в родительном множественного числа (*пять столовых, семь дверей*). Однако в других случаях существительное не подчиняется числительному, а напротив, является главным членом словосочетания, с которым числительное согласовывается по падежу.

В случае же числительных *два–четыре* дело обстоит сложнее.

Во-первых, винительный падеж числительного может совпадать по форме (а) с именительным, если в конструкции выступает неодушевленное имя существительное (*вижу три стола*), либо с родительным – если в конструкции выступает существительное одушевленное (*вижу трех собак*). (У числительных же *пять* и выше винительный равен именительному во всех случаях).

Во-вторых, трудно однозначно определить характер синтаксической связи между числительным *два–четыре* и существительным в конструкциях, выступающих в именительном падеже. На первый взгляд, существительное является зависимым словом, от которого числительное (в им. п.) требует определенной формы. Но так ли это, и, если так, то какова эта форма?

В учебниках, учебных пособиях, справочниках и т. д., перед которыми не стоит задача описания конкретных грамматических проблем с научной точностью и детальностью, и темой числительного отдельно не занимающихся, распространено упрощенное толкование вопроса: существительное, сочетающееся с именительным числительного *два–четыре*, выступает в родительном падеже единственного числа. Ср., напр.:

¹ Такие проблемы, как влияние числительных / их словосочетаний с существительным на форму глагола, вопрос формы прилагательных, сочетающихся с существительным при числительном и т. д. затронуты не будут. Истории разработки этих вопросов в русских грамматиках следовало бы посвятить отдельные статьи.

В именительном и винительном падежах существительное ставится в родительном падеже единственного числа при числительных *два, три, четыре* и в родительном падеже множественного числа при остальных числительных: *два стола, пять столов*².

Описания такого рода (существительное в род. п. ед. ч.) охватывают большую часть возможных случаев (по-видимому – статистическое большинство), однако некоторые языковые факты все же не учитывают.

Во-первых, существительные, изменяющиеся по адъективному склонению, в сочетании с выступающими в именительном лексемами *два–четыре* используются в форме родительного множественного, а не единственного числа. Более того: в случае существительных женского рода используется и именительный падеж, причем, возможно, чаще, чем родительный (*две столовые / две столовых*).

Во-вторых, прилагательное, выступая в конструкции «числительное *два–четыре* в им. п. + существительное», имеет форму множественного числа (при том, что у существительного – единственное). В том случае, когда форму существительного можно интерпретировать как именительный мн. ч.³, прилагательное обычно используется в именительном падеже мн. ч. (*две разные вещи*)⁴, а в том случае, когда форма существительного соответствует родительному единственного (и не соответствует им. мн. ч.) – выступает в родительном мн. ч. (*два больших стола*). Почему у прилагательного в конструкции последнего типа грамматическое число (мн.) не соответствует грамматическому числу существительного (ед.)? Трудно найти «синхроническое» объяснение этому факту и в том случае, если принять, что прилагательное здесь зависит не от существительного, а непосредственно от числительного (почему числительное требует от существительного и от прилагательного разного грамматического числа?), и в том случае, если принять, что прилагательное зависит от существительного (почему прилагательное не согласуется с существительным по числу?).

В-третьих, в русском языке есть ряд существительных, форма которых при *два–четыре*, выступающих в им. п., отличается от обычной формы род. п. ед. ч. ударением: напр., *два шага́, часа́*, а не *шага, часа*.

² Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова, *Современный русский язык*, Москва 2010 (11-е изд.), с. 212.

³ Напр., у многих существительных женского рода формы им. п. мн. ч. и род. п. ед. ч. омонимичны.

⁴ В.В. Виноградов указывает, что «там, где форма женского рода родительного падежа единственного числа совпадает по ударению с именительным или именительным-винительным падежом множественного числа, в сочетаниях с числительными *два, три, четыре она представляется сознанию говорящих формой множественного числа*, особенно применительно к лицам (например: *три бедные девушки, четыре дряхлые старушки* и т. п.)» (В.В. Виноградов, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, под ред. Г.А. Золотовой, изд. 4-е, Москва 2001, с. 253; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Трудно также не заметить, что когда речь идет о числе предметов ‘больше 1, регулярное, изменяемое по числу существительное должно ставиться во множественном, а не единственном числе. Если считать, что «единственное» число у существительных в сочетаниях типа *два* (‘2’) / *три* (‘3’) *стола* является отражением смысловой оппозиции ‘1’ – ‘больше 1, совершенно непонятно, почему, в противоречие семантике, используется именно оно.

В лингвистической литературе распространено утверждение, что появление специфической конструкции с числительными *два–четыре* со всеми ее особенностями является одним из последствий разрушения грамматической категории двойственного числа в языке. Однако проблему синхронического грамматического описания данных словосочетаний обращение к истории не решает.

Так как же описывать такую конструкцию и ее синтаксические особенности в современном русском? Наименьшие сложности создают косвенные падежи (за исключением сходного с именительным винительного): в косвенных падежах числительное является зависимым словом и согласует свою падежную форму с существительным (*двух орехов, двум орехам, о двух орехах*). Основная же проблема связана с описанием строения именительного падежа рассматриваемых сочетаний (и сходного с ним винительного)⁵. Необходимо упомянуть о двух работах середины – второй половины XX в., в которых представлены важнейшие попытки описать сочетания малых числительных с существительными, учитывая все их особенности и не прибегая к чрезмерным упрощениям при их толковании. Виктор Владимирович Виноградов в книге *Русский язык. Грамматическое учение о слове* последовательно указывает на то, что в конструкциях типа *два стола* используется не родительный падеж как таковой, а некая омонимичная ему форма. Ученый пишет о ней: «так называемый „родительный“ падеж единственного числа»⁶. По его мнению, эта форма находится за пределами живых падежных отношений русской грамматической системы. Конструкции данного типа, как указывает Виноградов, следует рассматривать как сочетания синтаксически неразложимые, идиоматичные⁷. Идиоматичны и другие сочетания, форма существительного в которых не

⁵ Некоторые замечания на эту тему были представлены выше.

⁶ В.В. Виноградов, *Русский язык...*, с. 246. Ср. также напр.: «... *два, три, четыре* идиоматически спаяны с формой имени существительного, которая омонимична родительному падежу единственного числа (*два года* и т. п.)» (там же, с. 247). И далее: «...формы именительного-винительного падежа числительных *два, три, четыре* сочетаются с такой формой имени существительного, которая не находит семантического оправдания в системе живых падежных форм и функций существительных. По внешнему облику она обычно совпадает с формой родительного падежа» (там же, с. 253; подчеркнуто мной. – М. Д.).

⁷ Там же, с. 246–247. Подобную точку зрения высказывает и Т.П. Ломтев. Он, в частности, пишет, что сочетание типа *два стола* «представляет собой исторически закрепившееся, грамматически, по нормам современной речи, немотивированное и потому неразложимое сочетание» (Т.П. Ломтев, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва 1956, с. 451).

совпадает с родительным падежом единственного числа (тип *два шага́* и тип *два жарких, три восьмых*).

Совершенно другой взгляд на проблему сочетания малых числительных с существительными и интерпретации строения такой конструкции в именительном и сходном с ним винительном представлен в работе А.А. Зализняка *Русское именное словоизменение*.

Различие в грамматической категории числа, наблюдаемое при числительных *два, три, четыре, оба, полтора* в им. п. (напр.: *два сказуемых, три часовых, три восьмых vs два рубля, четыре дома*), а также невозможность однозначно отнести всю совокупность выступающих в таких сочетаниях форм существительных к именительному либо родительному падежу (напр., *три солдата, три мастерских* и *три мастерские*) заставляет Зализняка считать, что эти числительные требуют от существительного выступления в особом, девятом русском падеже – так называемой «счетной форме»⁸. У разных существительных – разная форма этого падежа: у являющихся отадективными существительными – сходная с формой их родительного или именительного множественного числа, а у прочих – другая, сходная с родительным единственного либо «уникальная»⁹. Выступая в «счетной форме», существительные находятся вне категории грамматического числа (противопоставление по числу в этом падеже отсутствует)¹⁰. В языке с девятым, «счетным», падежом существительного мы имеем дело лишь в одном случае: когда существительное сочетается с числительными *два, три, четыре, оба, полтора*, выступающими в именительном падеже (или сходном с ним винительном).

II. Исследования синтаксических свойств малых числительных в ранних русских грамматиках

Наиболее интересный, с моей точки зрения, аспект истории исследований малых числительных в русских грамматиках XVIII-XIX веков – объяснения строения соответствующих сочетаний (*два/три/четыре* с существительным) в именительном падеже. Им я и займусь далее.

Написанная по-немецки работа В.Е. Адодурова *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731)¹¹ была, по-видимому, первой из известных русских грамматик, в которой форма существительного, выступающая в конструкциях типа *три*

⁸ А.А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, [в:] А.А. Зализняк, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва 2002, с. 46-47.

⁹ Зализняк приводит пять таких форм: *рядá, следá, часá, шагá, шарá* (там же, с. 47).

¹⁰ Зализняк относит все счетные словоформы к множественному числу, однако – лишь условно (там же, с. 48).

¹¹ Я буду пользоваться русским переводом работы, опубликованным в книге: *Василий Евдокимович Адодуров: „Anfangs-Gründe der Russischen Sprache“, или „Первые основания русского языка“*. Формирование русской академической грамматической традиции, Санкт-

вороны, получает наиболее известную сейчас трактовку: как управляемая числительным форма родительного ед. ч. Адодуров пишет:

Если коснуться *правил сочетания слов (Syntaxi)*, здесь можно отметить, что количественные числительные два, три, четыре управляют родительным падежом в единственном числе: например, два попа (zweene Popen), три колодезя (drey Brunnen), четыре лошади (vier Pferde). Пять, шесть и все остальные, напротив, сочетаются с родительным падежом множественного числа, как, например, шесть человек (sechs Menschen) и т. д. [...] ¹².

Ученый посчитал необходимым упомянуть и о другой известной ему трактовке вопроса; он подчеркивает, что она ошибочна:

Все, кто признают в русском языке наличие двойственного числа, ошибаются, неправильно понимая примеры два попа, три рва, четыре колодезя и т. д., которые вполне могли ввести их в заблуждение ¹³.

Можно предполагать, что Адодуров, полемизирует здесь со взглядами, выраженными в одной из первых известных грамматик русского языка – книге Генриха В. Лудольфа *Grammatica Russica que continet non tantum praecipua fundamenta Russicae Linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam* (Oxford 1696) ¹⁴. Лудольф считает, что существительное при «малых» числительных в именительном используется в двойственном числе, и на основании этого делает сомнительный вывод, что в русском двойственное может использоваться для обозначения не только 2, но и 3-4 предметов:

Надо сказать, что русские пользуются формой двойственного числа не только тогда, когда говорят о двух, но также и о трех, и о четырех, напр., два попа, три попа, четыре попа ¹⁵.

Если говорить о двойственном в целом, то Лудольф, по всей видимости, полагал, что оно предусмотрено в русской языковой системе, но выступает лишь

-Петербург 2014. Перевод грамматического трактата Адодурова выполнен Л.Н. Григорьевой, редакторы издания – К.А. Филиппов, С.С. Волков.

¹² Василий Евдокимович Адодуров..., с. 153, 155 (подчеркнуто мной. – М. Д.).

¹³ Там же, с. 153, 155.

¹⁴ В этой статье я буду пользоваться русским переводом Б.А. Ларина, изданным в 1937 г.: Г.В. Лудольф, *Русская грамматика, в которой изложены не только главные основы русского языка, но также и некоторое руководство по славянской грамматике...* Оксфорд, Издание Шелдона театра 1969, [в:] Б.А. Ларин, *Русская грамматика Лудольфа 1696 года*, Издание текста, перевод, вступ. статья и примеч. Б.А. Ларина, Ленинград 1937.

¹⁵ Г.В. Лудольф, *Русская грамматика...*, с. 120.

в литературном (церковнославянском), а в разговорном (русском) практически не используется (хотя потенциальную возможность соответствующих парадигм система не исключает и в этом случае). Он пишет:

Чисел в славянском языке три, единственное, двойственное и множественное. Но так как в обычной русской речи я почти не наблюдал употребления двойственного числа, то я не включил его в свои грамматические образцы (парадигмы), чтобы не увеличивать без необходимости трудностей начального изучения¹⁶.

Адодуров же в главе об имени существительном и прилагательном подчеркивает отсутствие категории двойственного числа в той русской грамматической системе, которую он описывает (XVIII в.):

В церковнославянском языке есть еще свойственное греческому языку двойственное число (Dualem), которое отображает только две вещи, но в русском языке оно не употребительно¹⁷.

По моему мнению, Адодуров при описании строения сочетаний типа *два стола* как части современной ему русской грамматической системы сознательно отказывается от обращения к понятию такой грамматической категории, которая этой системе уже чужда (и этим отличается от системы церковнославянской). Строение сочетаний «малых» числительных с существительными истолковывается ученым посредством обращения к грамматическим категориям, наблюдаемым в системе описываемого языка (родительный падеж, единственное число, а не [именительный падеж] двойственное число, как у Лудольфа).

Авторы большинства последующих грамматик русского языка дают форме существительного при малом числительном в им. п. то же толкование, которое в 1731 г. предложил принять Адодуров.

М. Ломоносов, которому был знаком текст *Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*¹⁸, в *Российской грамматике* пишет, что «два, три, четыре в именительном требуют родительного единственного: два свѣтила, три лица, четыре части», а в косвенных «склоняются согласно во множественном числе: *двухъ свѣтилъ, тремъ лицамъ, четырьми частями*»¹⁹. Обратим внимание,

¹⁶ Там же, с. 120.

¹⁷ *Василий Евдокимович Адодуров...*, с. 115 (подчеркнуто мной. – М. Д.).

¹⁸ Об этом см.: Б.А. Успенский, *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики*, Москва 1975, с. 11.

¹⁹ М.В. Ломоносов, *Российская грамматика Михайла Ломоносова*, Санкт-Петербург 1755, с. 188-189 (подчеркнуто мной. – М. Д.). Ученый указывает, что «первообразные числительные имена *два, три, четыре* склоняются как прилагательные множественного числа» (там же, с. 102; подчеркнуто мной. – М. Д.), отсюда, по-видимому, и утверждение, что эти слова и существительные в косвенных падежах «согласны» друг с другом и по падежу, и по числу.

ческой русской грамматике, описывая интересующие нас числительные *два, три, четыре*, упоминает о случаях, когда они «требуют в имени существительном падежа родительного в числе единственном», не указывая, какой падеж числительного (или же падеж, который требуется контекстом от сочетания в целом) имеется в виду: лишь именительный, или также и винительный. О «косвенных падежах» сочетания ученый пишет, что в них имеет место согласование существительного (*sic!*) с числительным (по падежу)²⁵.

Г.П. Павский пишет, что числительные *два, три, четыре* в современном ему русском в именительном и подобном ему винительном стали существительными²⁶. Они требуют после себя существительного в родительном падеже единственного числа. В прочих же случаях эти слова остаются прилагательными. Павский проводит во многих отношениях точный анализ истории появления синтаксических особенностей данных числительных:

...старинный двойственный имен. падеж наших имен во многом походил на родительный един. числа. И потому, когда исчезло из языка двойственное число имен, тогда число два, двѣ, не могли однакож обойтись без двойственного, привязало к себе род. падеж муж. и жен. рода, как подобный себе. Но, привязавши к себе род. падеж, и само оно не могло уже оставаться прилагательным

словосочетания (числительные «...смотря по тому, какой вопрос употреблен будет, поставляются в соответственных оному падежах...», напр.: на сколько? – на сто рублей [там же, с. 271; подчеркнуто мной. – М. Д.]), а вопрос формы существительного (ее связи с формой числительного или внешним контекстом) и роли существительного в словосочетании, выступающем в косвенных падежах, совершенно не затронут.

²⁵ Н. Греч, *Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем*, Санкт-Петербург 1827, с. 317-318.

Следует добавить, что Греч, по сути, верно отмечает разное синтаксическое поведение у количественных существительных, и слов, являющихся числительными в узкограмматическом понимании. И ту, и другую группу он относит к числительному – «части речи», отделяемой от существительных и прилагательных по смыслу. Ученый отмечает, что синтаксические свойства существительных (слов, имеющих род, не изменяющихся по нему) отличаются от свойств, наблюдаемых у числительных (слов, которые не обладают родом; некоторые из них по роду изменяются): «В косвенных падежах управляемое имя употребляется всегда во множественном числе, но сочетание оно бывает различное. Если имя числительное имеет род (как например: *пять, сотня, сорок, сто, тысяча, миллион*), то существительное полагается после оно в родительном падеже...; если же имя числительное есть безродное (как то: *три, четыре, пять, десять, тридцать, восемьдесят*), или если оно изменяется по родам, как например *два, оба*, то существительное согласуется с ним в падеже; например: *къ тремъ книгамъ, въ пяти комнатахъ...*» (там же, с. 317-318; подчеркнуто мной. – М. Д.).

²⁶ Первоначально же, в праславянском, а затем в древнерусском, эти слова – это, по сути, прилагательные, согласовывавшиеся с существительным по падежу, роду и числу (об этом см. напр. А.Е. Супрун, *Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи*, Минск 1969, с. 142-143, Т.П. Ломтев, *Очерки...*, с. 448-452, В.В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка*, изд. 3-е, перераб. и доп., Москва 1990, с. 303-304).

именем потому, что прилагательные имена не требуют после себя род. падежа. Сделавшись существительным именем, число два стало наравне с дальнейшими числами пять, шесть и т. д., которые и сами из старинных прилагательных преобразовались в существительные, и требуют после себя род. падежа множ. числа. <...> Числа *три* и *четыре* примкнулись к числу два без всякой нужды. Одно лишь соседство повело их к бессознательному подражанию, как это нередко водится и в людском общежитии. Как часто люди из подражания предкам, соседям, товарищам делают не то, что следовало бы по законам здравого ума! Впрочем, числа два, три, четыре стали, наряду с существительными, именами только в именительном падеже и в подобном ему винительном, а в прочих падежах они остаются прилагательными, и с существительными именами сопрягаются в одном падеже на праве прилагательных. Напр., двумя, тремя, четырьмя рублями, къ двумь, тремь, четыремь рублямъ и т. д.²⁷.

В период XVIII-XIX в. вышел ряд работ, авторы которых высказывали иные взгляды на влияние малых числительных на падежную форму существительного, чем те, которые были предложены Адодуровым и приняты во многих других, описанных выше, грамматиках. Прежде всего, необходимо упомянуть о тех работах, в которых форма существительного при *два*, *три*, *четыре* в им. (или вин.) п. описывается как форма двойственного числа. И. Орнатовский в *Новейших начертаниях правил российской грамматики...* (1810) указывает, что в современном ему русском при лексемах *два*, *три*, *четыре*, а также *оба* употребляется существительное в именительном, но в древней форме двойственного числа, употреблявшейся ранее только при *оба*, *два*:

Числительные слова *два*, *оба*, *три*, *четыре* в именительном и винительном падеже требуют после себя имени вещей невоодушевленных в сих же падежах, но, по древнему употреблению, свойственному только словам *два* и *оба*, в двойственном числе, напр., *три дуба*, *два ручья*. А имена вещей воодушевленных имеют сие свойство только в именительном падеже, напр., Имен. *три воина*. Винит. *трехъ воиновъ*; *четыре богатыря*, *четырёхъ богатырей*; во всех же других падежах имена, стоящие с сими числительными словами, следуют обыкновенному порядку склонения, напр., *трехъ воиновъ*, *трёмъ воинамъ*, *трехъ воиновъ*, *тремя воинами*, *о трехъ воинахъ*²⁸.

²⁷ Г.П. Павский, *Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского, Рассуждение второе*. Б. Отделение второе. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях, Санкт-Петербург 1850, с. 225-226.

Конечно, согласиться можно далеко не со всеми утверждениями Павского. Вызывают сомнение, в частности, его довольно субъективные рассуждения о «безосновательности», нерациональности процесса определенных изменений, имевших место в языковой системе.

²⁸ И. Орнатовский, *Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных, сочиненное Иваном Орнатовским*, Харьков 1810, с. 233 (подчеркнуто мной. – М. Д.).

Причем И. Орнатовский был, возможно, первым русским грамматистом, который непосредственно указал, что сходство винительного падежа конструкции с именительным падежом или же их отличие зависит от одушевленности/неодушевленности существительного.

Тем не менее, некоторые аспекты анализа свойств числительных *два–четыре* в работе Орнатовского нельзя назвать удачными. Автор приписывает форму существительного непосредственно двойственному числу, которое, как известно, исчезло приблизительно в XIV-XV в., т. е. в грамматической системе русского языка периода XVIII-XIX в. уже отсутствовало. Форма существительного в сочетаниях типа *два стола* выхолощена из первоначального грамматического содержания, Орнатовский же формулирует свои замечания так, как будто бы она по-прежнему им обладает.

Следует отметить также, что к тому моменту, когда *три* и *четыре* стали требовать от существительного форму, называемую им «двойственным числом», двойственное число – как элемент живой грамматической оппозиции, различающей числовые смыслы ‘1’, ‘2’ и множественность (‘больше 1’) – просто не могло существовать в языке (должно было уже исчезнуть)²⁹. Поэтому называть форму существительного, которая выступает при *три*, *четыре*, просто «двойственным», без какого-либо дополнительного комментария, вряд ли правильно.

Двойственное число в форме существительного в интересующих нас конструкциях усматривает и И. Давыдов, краткие замечания которого по этому поводу можно найти в *Опыте общесравнительной грамматики русского языка* (1853). По мнению ученого, это двойственное – церковнославянского происхождения:

Определительные числительные *два*, *три*, *четыре*, *оба* в именительном и винительном падежах придают своему существительному–определяемому окончание двойственного числа церковнославянского языка, а в прочих падежах употребляются как обыкновенные прилагательные³⁰.

Непонятно, однако, как именно видит автор функционирование данной церковнославянской формы в русском. Что это: форма, заимствованная и «освоенная» русским? Или же форма, приводимая в русском цитационно, с осознанием ее чужеродности, принадлежности другой системе?

²⁹ Так, собственно, и было. Напр., Т.П. Ломтев указывает, что «форма именительного падежа множественного числа имени существительного при числительных *три*, *четыре* употреблялась до XVII в.» (Т.П. Ломтев, *Очерки...*, с. 450). Заменившая ее форма «родительного падежа ед. ч.» «стала появляться... в памятниках XVI в.» (там же, с. 451). Такую форму нельзя рассматривать как «двойственное», которого в русской грамматической системе того периода уже не существовало. Она лишь уподобилась той, которая используется в тот момент в сочетании с числительным *два*.

³⁰ [И.И. Давыдов], *Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Изд. 2-е, Санкт-Петербург 1853, с. 321.

Как следует из анализа, представленного в работах Виноградова и Зализняка, трактовка формы существительного в сочетаниях типа *два стола* в качестве «родительного единственного числа» – это, по сути, лишь условное приписывание этой формы современного языка к тому падежу и числу, в котором у большинства существительных интересующего нас класса (сочетающихся с *два, три, четыре*) – то же окончание. Однако и описание такой формы как двойственного числа (именительного/винительного падежа), предложенное Орнатовским и Давыдовым, – также не более чем условность. Предпочтительнее ли она в синхронических грамматиках, чем первая, общеизвестная (родительный падеж единственного числа)? Вряд ли. Синхроническое грамматическое описание языкового явления фактически подменяется здесь своего рода диахроническим или этимологическим «экскурсом», довольно упрощенным и не слишком точным. (Впрочем, и любое другое, более точное, диахроническое описание вряд ли можно было бы считать удачным решением проблемы синхронической грамматики.).

Одну из самых интересных и необычных трактовок (с учетом времени ее появления) можно найти в *Русской грамматике* А.Х. Востокова. Он пишет:

Количественные *два, три, четыре, полтора, полтретья* и пр. и местоимение *оба* согласны в падеже с существительным, к которому служат определением; но дают сочиненному с ними существительному в падежах именительном и винительном особое окончание числа множественного, сходное с родительным падежом числа единственного, напр., *Два человека. Объя руки. Три лица. Четыре ноги. Полтора рубля*³¹.

Востоков был первым ученым, который выражает мнение, что форма существительного в конструкциях типа *два стола* не тождественна, а **лишь омонимична** форме родительного падежа единственного числа (подобна ей по флексии). Следует отметить, что в самом способе мышления о предмете Востоков, по моему мнению, опережает свою эпоху (подобным образом о предмете рассуждает, напр., академик Виноградов в упомянутой мною ранее работе *Русский язык*, вышедшей более чем век спустя).

Однако чем тогда является рассматриваемая форма существительного, напоминающая родительный падеж единственного числа? С каким падежом и числом, в интерпретации Востокова, мы имеем здесь дело, если о них вообще можно говорить в этом случае? Ученый предлагает видеть в ней особую форму множественного числа, того же, что и у числительного, падежа: именительного или винительного. Возможно, такая интерпретация связана со стремлением Востокова вписать свойства лексем *два, три, четыре* в черты прилагательных. Дело в том, что в качестве разновидности прилагательных ученый трактует

³¹ А.Х. Востоков, *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная*, Санкт-Петербург 1831, с. 231 (подчеркнуто мной. – М. Д.).

числительное в целом, поэтому естественно, что при описании синтаксиса числительных отправной точкой и ориентиром оказываются регулярные черты последних. Если *два*, *три* или *четыре* – это «прилагательное», и оно выступает в именительном падеже, то оно должно подразумевать контекст существительного в том же падеже. Фактически речь идет о наличии у существительных, способных соединяться со словами *два*, *три*, *четыре*, альтернативной формы именительного и винительного падежей множественного числа (т. е., напр.: *стулья* – это им. п. мн. ч., но и *стула* – также им. п. мн. ч. <в сочетаниях типа *три стула*>). Числительные *два*, *три*, *четыре* (и числительные типа *полтора*, а также *оба*) в такой интерпретации – это слова, согласующиеся с существительным во всех падежах, также в именительном/винительном.

Способ, каким Востоков решает проблему трактовки формы существительного при числительных *два*, *три*, *четыре*, очень напоминает тот, который предложил Зализняк в *Русском именном словоизменении*, хотя пришел к нему Востоков, скорее всего, по другим причинам. Интерпретация Зализняка призвана дать единое истолкование противоречивым языковым фактам (наблюдения автора касательно сочетаний типа *две дивизии* и сочетаний типа *две восьмых* и т. д.); Востоков же, предположительно, принял ту трактовку, которая нивелирует отличие синтаксического поведения лексем *два*, *три*, *четыре* и прилагательных (числительное как класс рассматривается у Востокова как подвид прилагательного). Тем не менее, как я уже упоминал, сам образ мышления Востокова о свойствах малых числительных в каком-то смысле опередил эпоху.

Следует упомянуть также взгляды на проблему малых числительных И. Рижского, выраженные им в работе *Введение в круг словесности....* И. Рижский, по-видимому, считает, что «малые» числительные это своего рода *pluralia tantum*, необычность которых состоит в том, что они требуют от «согласуемого» с ними существительного единственного числа:

Такая, наприм., странность находится в нашем языке в рассуждении согласования некоторых имен числительных с их существительными. Иные числительные, по существу своему означая множество, не имеют числа единственного, но склоняясь во множественном, требуют однако, чтобы согласуемое с ними существительное было в единственном числе; наприм.: два человека; иные напротив сего числительные, знаменуя множество, сами склоняются только в единственном, а существительного требуют во множественном числе; наприм.: пятью человеками³².

Рижский почему-то называет эту связь согласованием, возможно, вкладывая в термин иной смысл, чем тот, что принят в современных грамматиках, или же просто ошибочно используя это грамматическое понятие (т. е. фактически

³² И.С. Рижский, *Введение в круг словесности, сочиненное в Императорском Харьковском университете, и служившее руководством бывших в оном 1805-го года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия*, Харьков 1806, с. 55-56 (подчеркнуто мной. – М. Д.).

подразумевая синтаксическую связь другого рода)³³. Интересно также, что автор не указывает, в каком падеже, по его мнению, используется существительное, сочетающееся с числительным, которое выступает в именительном падеже (в сочетаниях типа *два стола*). Имел ли Рижский в виду, что существительное в таких сочетаниях выступает в некоей особой форме именительного падежа («согласовывается» с числительным по падежу)? Мне кажется, что это все же маловероятно.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее известная сегодня трактовка формы существительного, сочетающегося с им./вин. падежом числительных *два–четыре*, – в качестве род. падежа ед. числа – появляется уже в грамматике В.Е. Адодурова 1731 г., и повторяется в том или ином виде во многих других грамматиках XVIII-XIX в. Однако некоторые авторы рассматривают эту форму в качестве двойственного числа (им./вин. п.). Наиболее же оригинальные теоретические рассуждения на тему строения сочетаний малых числительных с существительными можно найти в *Русской грамматике* А.Х. Востокова 1831 г. Они разительно напоминают те идеи, которые выражаются в работах В.В. Виноградова и А.А. Зализняка – написанных более чем столетие спустя.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Maksim Duszkin – dr hab., prof. IS PAN; Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.

Najważniejsze publikacje: *Wykładniki przybliżoności adnumeratywnej w języku polskim i rosyjskim*, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy 2010; *Лингвистическая идея числительного в русских грамматиках XVIII–XIX веков*, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy 2018; *Dokładniej o dokładności: „zaokrągloność” dokładnych określeń ilościowych*, „Prace Filologiczne” 2003, vol. 48, s. 133-142; *Approximation and supposition*, “Cognitive Studies” 2010, vol. 10, pp. 121-125; *Обратный порядок числительного в русском языке. Из истории изучения вопроса*, [w:] *Prace Językoznawcze Instytutu Filologii Polskiej UKSW*, t. 9, *Nieokreśloność i granice*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego 2017, s. 107-118.

ORCID: 0000-0003-4433-1015

E-mail: maksim.duszkin@ispan.waw.pl

³³ Интересно, что он упоминает о странностях согласования некоторых числительных с существительными, а переходя к их описанию, пишет уже о случае согласования существительного с числительными. Что же главный член словосочетания, а что зависимый? Так или иначе, если имеется в виду согласование в современном понимании – то падежная форма одного из членов сочетания должна уподобляться другому.